

УДК 340.12
DOI 10.21685/2307-9525-2020-8-4-1

Ф. С. Сосенков

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ О НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Гражданская война 1918–1920 гг. сопровождалась всплеском образования самопровозглашённых государств. Интересными с точки зрения особенностей организационно-правовых проявлений автономизма и сепаратизма стали такие новообразования, как Всевеликое войско Донское и Кубанская народная республика. Возникнув на территориях соответственно Донского и Кубанского казачьих войск, эти формы самоорганизации казачьего населения отражали в основном две тенденции – автономизацию (Дон) и суверенизацию (Кубань). Наименее склонно к какому-либо политическому обособлению было Терское войско.

Роль объединительного центра, которую приняло на себя командование Добровольческой армии (позднее – Вооружённых сил Юга России), выражалась на практике в достаточно непоследовательной политике подавления сепаратистских поползновений. Неудача политики воссоздания национально-территориального единства Российского государства по идеологемам «белой России», помимо военных и экономических причин, объясняется отсутствием четкой и последовательной стратегии государственно-правового развития, определение которой откладывалось до победы над большевиками.

Ключевые слова: национально-территориальное единство, автономизм, сепаратизм, Всевеликое войско Донское, Кубанская народная республика.

F. S. Sosenkov

*Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, the Russian Federation*

POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF THE COSSACKS OF THE SOUTH OF RUSSIA ON NATIONAL AND TERRITORIAL UNITY DURING THE CIVIL WAR

Abstract. The civil war of 1918–1920 was accompanied by a surge in the formation of self-proclaimed States. Such new formations as the all-great don army and the Kuban People's Republic became interesting from the point of view of the features of organizational and legal manifestations of autonomism and separatism. Having emerged on the territories of the don and Kuban Cossack armies, respectively, these forms of self – organization of the Cossack population reflected mainly two trends-automatization (don) and sovereignization (Kuban). The least inclined to any political isolation was the Terek army.

The role of the unification centre, which was assumed by the command of the Volunteer army (later – The armed forces of Southern Russia), was expressed in practice in a rather inconsistent policy of suppressing separatist aspirations. The failure of the policy of reconstruction of national and territorial unity of the Russian state's ideology of «white Russia», in addition to military and economic reasons, due to the lack of a clear and coherent strategy of state-legal development, the definition of which was postponed until the victory over the Bolsheviks.

Key words: national-territorial unity, autonomism, separatism, All-great don army, Kuban People's Republic.

Революционные события 1917 г. и последовавшая вскоре за ними Гражданская война 1918–1920 гг. (по некоторым датировкам – 1921 и даже 1922 гг.)

явились серьезнейшим испытанием российской государственности на прочность. На прочность проверялось прежде всего национально-территориальное единство Российского государства, понимаемое как территориальная целостность, обусловленная балансом центробежных и центростремительных внутривнутриполитических течений. В южной части России, в которой боевые действия не утихали на протяжении всего рассматриваемого периода, возникали в условиях отсутствия единой легитимной власти различные государственные образования, претендующие на суверенитет или, по крайней мере, на широкую автономию в рамках будущего антибольшевистского государства. Роль объединительного центра не всегда, впрочем, успешно пыталась играть Добровольческая армия (впоследствии – Вооруженные силы Юга России) во главе с А. И. Деникиным. В рамках данной статьи постараемся решить, в том числе на основе архивных данных, следующие научные задачи: проанализировать и сопоставить воззрения лидеров трех войск южного казачества (донского, кубанского и терского) на проблему единства России, а также соотнести выявленные политико-правовые установки с позициями белогвардейского командования.

Казачество Юга России, вовлеченное в водоворот революционных событий, изначально не проявляло сепаратистских тенденций, но было традиционно склонно к некоторому обособлению. Данная черта была выражена исторической поговоркой: «Живи казак, пока Москва не узнала. Москва узнает – плохо будет» [1, с. 167; 2, с. 35–41; 3, с. 58–64]. В этой связи резолюция Всероссийского казачьего съезда, проходившего в июне 1917 г., учитывала и стремление к государственному единству, и склонность к автономии: «Россия должна быть неделимой демократической республикой, с широким местным самоуправлением» [4, с. 443]. Особое отношение казачества к проблеме национально-территориального единства России связано с неоднозначной оценкой себя в этническом плане. Определенная часть казаков выделяла себя в рамках русского народа, а то и вовсе отделяла себя от него. Нет полной ясности в этом вопросе и в настоящее время: часть ученых «не отказывает» казачеству в особой этнической идентификации. К примеру, исследователь истории государственных форм организации казачества Е. И. Дулимов определяет последнее, как «субэтнос с общинным ведением аграрного хозяйства с коллективистскими (круговыми) традициями самоуправления» [5, с. 5]. Ученым О. И. Копаневой отмечено, что казачество долгое время обладало признаками субэтнуса [6, с. 11–12], а с начала 90-х гг. XX в. «в России проводилась активная работа по возрождению казачества как «самостоятельной этносоциальной группы» [6, с. 4].

Попытаемся проанализировать основные направления представлений казачества Юга России относительно национально-территориального единства страны, особо выделив позиции политических лидеров казаков. По характеристике командующего Добровольческой армии А. И. Деникина избранный 18 июня 1917 г. Войсковым Кругом Донского Казачьего войска Донским Войсковым Атаманом генерал А. М. Каледин (1861–1918 гг.) был убежденным сторонником идеи единства России и в то же время горячо любил Дон. В этой связи атаман «мог идти к общерусским национальным целям только вместе с Донским войском, только возбудив в нем порыв» [1, с. 167]. Об отсутствии у первого руководителя Всевеликого войска Донского А. М. Каледина склонности к сепаратизму говорит и тот факт, что в первое время после Октябрьской революции власти Донского войска пытались наладить связь с бывшим Временным правительством. И только после того, как стало ясно, что правительства не стало, по свидетельству того же А. И. Деникина, «Каледину поневоле приходилось на Дону принимать функции центральной власти» [1, с. 174]. Сам атаман, выступая 30 декабря 1917 г. на съезде, заявлял: «Не признав власти комиссаров, мы принуждены были создать государственную власть здесь, к чему мы никогда раньше не стремились. Мы хотели лишь широкой автономии, но отнюдь не отделения от России» [1, с. 176]. Подобная позиция подтверждается и рядом других свидетельств. Так, встречаясь

с представителем немецкого командования, на вопрос о позиции донцов в отношении государственной независимости казаки ответили: «Мы признаем себя частью России, но не признаем большевицкого правительства» [1, с. 335].

В целом политическая элита донского казачества не склонна была ратовать за отделение от России и образование самостоятельного государства, но с готовностью отзывалась на проекты федерализации России. Так, обсуждая инициативу Кубанской народной республики об образовании Юго-Восточного союза, Донской «большой круг» признал «федерацию, как принцип, как идею, на основании прошлого исторического опыта зарождения и существования казачества желательной» [1, с. 185]. Вместе с тем «большой круг» выражает желание, чтобы планируемое устройство «в то же время оставило бы ненарушенной тесную связь частей с целым, не поколебало бы единства и силы России» [1, с. 185]. А. И. Деникин видит в этом явное противоречие и соединение двух начал, что, видимо, характерно вообще для казачества южной России того периода: «смешались начала государственно-охранительные и центробежные; стремление сохранить от разложения более устойчивую часть в интересах целого и желание использовать государственную смуту в интересах чисто местных» [1, с. 185]. Это заметно и в различных программных и декларативных документах казачества, в которых наряду с различными автономистскими позициями высказываются идеи о воссоздании единого государства [7, с. 536–538]. Высказывалось также мнение, что казаки имели «весьма смутное представление о Родине в широких всероссийских рамках» [1, с. 423]. Вместе с тем, приветствуя кубанских казаков, донцы приветствовали Кубань, которая «совместно с Доном борется за возрождение нашей великой мученицы – родины» [1, с. 426].

3 мая 1918 г. «Круг спасения Дона» избрал атаманом П. Н. Краснова (1869–1947 гг.). В отличие от своего предшественника, новый атаман, как видно, был более склонен к государственному обособлению. Так, он поставил в качестве условия принятия атаманства принципиальное положение, введенное в Основные законы Всевеликого войска Донского первым пунктом: «Власть управления войском во всем ее объеме принадлежит Войсковому Атаману в пределах всего Всевеликого войска Донского» [1, с. 418].

Уже на следующий день после избрания Краснов обращается, «как равный к равному», с письмом к германскому императору Вильгельму. В данном письме он призывает «признать право Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование (выделено у А. И. Деникина – Ф.С.)» [1, с. 430]. Также в мае 1918 г. между Доном и Кубанью было заключено соглашение, направленное на «обеспечение на будущие времена политической и экономической свободы и независимости народов, населяющих Донскую и Кубанскую области» [1, с. 431]. 9 января 1919 г. П. Н. Краснов писал генералу А. М. Драгомирову (1868–1955 гг.): «На земле Войска Донского не может и не должно помещаться ни одно из учреждений общерусских. Это требование автономии Войска...» [8, с. 76].

В письме к генералу А. С. Лукомскому 22 августа 1918 г. А. И. Деникин отразил известные ему факты отрицательного отношения донских лидеров к объединительным действиям Добровольческой армии и её претензиям на лидерство в борьбе против большевиков: «...отношения к Армии Атамана были всегда совершенно отрицательными...звучит оскорбительно его фраза «частное предприятие». Так названо освобождение Добровольческой Армией трех русских областей и задонья»¹. Такая позиция руководства Всевеликого войска Донского могла быть вызвана исключительно желанием самостоятельности от патроната А. И. Деникина,

¹ Переписка с Деникиным А.И. о работе особого Совещания при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, о взаимоотношениях донского казачества и Добровольческой армии, о книгах Деникина А.И. «Старая армия» и «Очерки русской смуты» и по другим вопросам. Комментарии Лукомского к переписке. Подлинники // Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р 5829. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 1.

в том числе и в государственном строительстве. Как вспоминал впоследствии в 1937 г. генерал А. С. Лукомский, белогвардейскому командованию было чрезвычайно важно удержать Всевеликое войско Донское в орбите своего политического влияния, создавая модель возрождаемой России. В противном случае центробежные тенденции целиком возобладали бы на юге России: «К позиции, занимаемой ген. Красновым, как атаманом войска Донского внимательно присматривались различные Кубанские деятели и было несомненно, что если Дон отстоит свою независимость..., по его пути несомненно пойдет Кубань, а впоследствии и Терек»².

Вместе с тем лидерами донского казачества было признано также необходимым «создание на юге России прочного государственного образования на федеративных началах» [8, с. 431], а самое удивительное, что мыслилось это, «дабы ныне разрозненные части России могли явить более могущественную политическую силу» [8, с. 431]. Складывается впечатление, что сепаратистские намерения маскируются общероссийской риторикой. Отчасти эти уточнения о стремлении воссоединить российские земли обращены к командованию Добрармии, частью также – к рядовой казачьей массе, дабы не отпугнуть разрывом с хоть и смутно иногда воспринимаемой, но общей Родиной.

Не был лишён П. Н. Краснов и претензий на лидерство в рамках «белого» движения Юга России вообще. В этой связи он публично высказывал мысли о государственном единстве России. В частности, он в качестве «верховного вождя Южной Российской армии» изъявлял готовность освободить Россию от большевиков и занять Москву [1, с. 513]. В сентябре 1918 г. Краснов обращается с письмом к генералу Алексееву, в котором, кроме прочего, указывает: «Полное объединение Дона и Кубани, связанных общими интересами, послужило бы к началу воссоздания единой и неделимой России» [1, с. 658]. Как обеспечительные меры Краснов предлагает создание общих министерств, в том числе финансов, путей сообщения, продовольствия, юстиции, а впоследствии – иностранных дел, морского, военного [1, с. 685].

Централизм в гораздо большей степени был свойственен третьему атаману Всевеликого войска Донского генералу А. П. Богаевскому (1872–1934 гг.). В письме генералу Деникину от 2 октября 1919 г. А. П. Богаевский заверяет: «...Если бы Дон изменил матери-России, я швырнул бы атаманский пернач (символ атаманской власти – прим. Ф.С.) в лицо своему преемнику, который повел бы мою Родину на самоубийство ... Не верьте сплетням и будьте справедливы к Дону...» [8, с. 594]. Достаточно корректно высказывались о государственном будущем России и представители атамана, в частности И. П. Брагин, в ходе Южно-Русской конференции, проходившей в Новочеркасске, подчеркивал возможность унитаризма с элементами автономии: «Создание центральной власти унитарного государства является делом одновременным и неотъемлемым от дела местных сил по укреплению государственного и гражданского миропорядка и благосостояния населения, на которое простирается юрисдикция местной краевой власти. Достижение обеих целей должно быть одновременно и реально»³.

Донское казачество в общем признавало единоличную власть А. И. Деникина, вместе с тем сопровождало это такими оговорками, которые, по выражению генерала, превращали ««единство» в федерацию, диктатуру – в чистейший парламентаризм» [8, с. 611]. Так, тот же лояльно настроенный к идее государственного единства России атаман Богаевский заявляет о недопустимости принципа октроирования прав автономии Дону при воссоздании общего государства: «Дон сам

² Переписка с Деникиным А.И. о работе особого Совещания при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, о взаимоотношениях донского казачества и Добровольческой армии, о книгах Деникина А.И. «Старая армия» и «Очерки русской смуты» и по другим вопросам. Комментарии Лукомского к переписке. Подлинники // Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р 5829. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 77.

³ Материалы к заседанию Новочеркасской сессии по вопросу об автономии // Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р 324. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 54а.

откажется от части своих временных суверенных прав в пользу будущей государственной власти, но его достоинство и заслуги ... не позволят ему принять как подарок признание его внутренней автономии. Волею судеб она есть и будет» [8, с. 611]. Командование же Вооруженных сил Юга России, в свою очередь, не устраивала схема объединения на договорных началах, поскольку она уравнивала регионы с общегосударственным центром и была чревата опасностью усиления центробежных тенденций.

Часть донских политических деятелей выступала за схему, пропагандируемую Добровольческой армией – признать последнюю центром борьбы и объединяться вокруг нее. Такую позицию, в частности, выразил В. Ф. Зеелер в полемике с представителями Кубанской республики: «Если хотите объединения России, то нужно создавать сейчас зародыш такого объединения. И вот, создавая общегосударственную власть, я не могу, подобно Л. А. Бычу, расценивать Добровольческую армию как территориальную представительницу Ставропольской и Черноморской губерний. Я бы хотел смотреть на Добровольческую армию как на реальную силу, преследующую не местные, а общегосударственные задачи; и ни Крым, ни Терек, ни Дон не могут становиться на одинаковую почву с Добровольческой армией, так как она, повторяю, имеет не местное, а общегосударственное значение» [7, с. 508].

С централистскими заявлениями выступали нередко и другие представители Донского войска. Так, 29 июня 1919 г. председатель Донского Круга В. А. Харламов (1875–1957 гг.) заявлял о ненужности федералистской модели для России: «На конференции в Ростове мы определенно заявили, что федерализм неприменим к России. Это книжная, надуманная схема, и процесс объединения идет мимо нее. ... Мы хотим лишь областной автономии, которая, обслуживая нас, принесет пользу и общему делу» [8, с. 607]. На совещании атаманов, правителей и командующих 12 января 1920 г. Харламов также недвусмысленно заявил: «Самостоятельное казачье государство для нас немислимо. Единая Россия может создаваться единой общерусской властью и единой вооруженной силой» [8, с. 730].

Противоречия в видении будущего национально-территориального единства России и современных взаимоотношений с Правительством Юга России рельефно проявились в ходе Южно-Русской конференции по созданию Союза государственных образований на Юге России, работавшей около шести месяцев с июня 1919 г. Так, Правительством Юга России, которое осуществляло администрирование на территориях, занятых Вооруженными силами Юга России, был предложен проект, носивший название «Временное Положение о взаимоотношениях Правительства Юга России и Всевеликого Войска Донского»⁴. Первый и пятый параграфы проекта, представленного в ходе Новочеркасской сессии (13–26 августа 1919 г.), нейтрализовывали претензии Всевеликого Войска Донского не только на суверенитет, но и на какую-либо ощутимую автономию: «Всевеликое войско Донское составляет нераздельную часть Государства Российского и временно впредь до установления новым Всероссийским Учредительным Собранием нового общегосударственного строя находится под верховной властью Верховного Правителя Государства Российского»; «Дела общегосударственные в порядке законодательства и верховного управления, впредь до образования Всероссийского Правительства, разрешаются Правительством Юга России»⁵. Упоминание об управлении области Войска Донского, согласно областным Основным Законам, номинально, поскольку положение предполагало внесение в них кардинальных изменений, передающих «в полное ведение общегосударственной власти на Юге России» ключевые

⁴ Материалы к заседанию Новочеркасской сессии по вопросу об автономии // Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р 324. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 34–38.

⁵ Там же. — Л. 34.

сферы государственной жизни⁶. Подобные положения не могли удовлетворить донских делегатов, которые потребовали, во-первых, изменения самого названия документа на иное, подчеркивающее претензии Дона на особую роль в государстве – «Положение об автономии Войска Донского»⁷. Автономистскими же настроениями проникнута и предлагаемая Доном редакция первой статьи: «Войско Донское составляет нераздельную часть Государства Российского и представляет собою автономную его область»⁸. Впоследствии у Донского, Кубанского и Терского войска родилась формулировка, входившая уже в прямое противоречие с видением нового Государства Российского, сформировавшимся у Правительства Юга России: «Государственные образования Дон, Кубань и Терек, сохраняя за собой вполне свободное право устройства своей внутренней политической и народно-хозяйственной жизни, входят в состав Государства Российского, образуя неразрывное с ним целое»⁹. В проекте Всевеликого Войска Донского не говорится о Правительстве Юга России, которое вполне конкретно, а лишь о некоей общероссийской власти, которая абстрактна, и в этой связи её институционализация всегда могла быть оспорена. Достигнутые достижения в плане автономизации Дона планировалось закрепить следующей технической гарантией: «Настоящее положение об автономии Всевеликого войска Донского не может быть ни отменено, ни дополнено, ни изменено, ни приостановлено, иначе, как в порядке общегосударственного законодательства, а другой – в порядке местного законодательства Всевеликого войска Донского»¹⁰.

Наиболее склонной к сепаратизму была определенная часть политической элиты Кубанского казачьего войска. Вероятно, как отмечено деятелями «белого» движения, большая часть рядового казачества была политически инертна и не настроена на отделение от России. Вместе с тем чаще всего тон в кубанской политике задавали именно «самостийники». Так, ещё до Октябрьской революции 5 октября 1917 г., несмотря на протесты Временного правительства, Краевой казачьей радой было принято решение о преобразовании края в самостоятельную Кубанскую республику, являющуюся «равноправным, самоуправляющимся членом федерации народов России» [8, с. 176]. Отметим, что данный шаг, безусловно, был направлен против государственного единства России, учитывая, что самой федерации в масштабах России никто не провозглашал, не говоря уже о пределах полномочий субъектов такой федераций. Подобный шаг мог спровоцировать подобные демарши и на других окраинах бывшей империи.

Причем, как выяснилось позже, определенная часть казачьей верхушки, нередко задававшей тон кубанской политики, враждебно относилась к любой общерусской государственности – власти Временного правительства, большевистской и даже добровольческой, с которой, казалось бы, ее связывала общая борьба. Стоявший во главе правительства Кубанской народной республики в начале 1918 г. Лука Быч (1870–1945 гг.) заявлял: Помогать Добровольческой армии, – значит готовить вновь поглощение Кубани Россией (выделено у А. И. Деникина – Ф.С.)» [8, с. 268].

Вопрос о нахождении на одной и той же территории двух властей – кубанской и добровольческой – постоянно вызывал значительные трудности и столкновения. На первом этапе, в начале 1918 г. когда добровольцы оказали значительную военную помощь казачьей власти на Кубани, было заключено компромиссное соглашение, оформленное протоколом совещания, в соответствии с которым «Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям Командующего

⁶ Материалы к заседанию Новочеркасской сессии по вопросу об автономии // Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р 324. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 34.

⁷ Там же. — Л. 2.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. — Л. 18.

армией» [8, с. 279]. Данный документ можно считать попыткой, не вполне, правда, успешной, противостоять кубанскому сепаратизму.

Временами официальные представители Кубанского войска высказывались вполне отчетливо в пользу государственного единства. Так, атаман А. П. Филимонов (1866–1948 гг.), встречая представителей командования Добровольческой армии по случаю освобождения Екатеринодара, заявлял: «Кубань отлично сознает, что она может быть счастливой только при условии единства матери – России. Поэтому, закончив борьбу за освобождение Кубани, казаки в рядах Добровольческой армии будут биться и за освобождение и возрождение Великой Единой России» [8, с. 620]. Атаман Филимонов представлял одно из течений кубанского движения – казаков-линейцев, которые выступали за объединение России при автономии Кубани. В конце 1918 г. по инициативе полковника Чекалова образовалась организация «Казачий круг», определившая себе в качестве задачи «борьбу с сепаратизмом и демагогией правительственной группы и полное соглашение с командным составом Добровольческой армии» [8, с. 76]. Позицию «линейцев» относительно государственного устройства России и места Кубани в нем можно выразить словами одного из кубанских деятелей Скобцова: движение, «которое желает вывести Кубань на широкую российскую дорогу» [8, с. 610]. Вместе с тем, как было отмечено выше, зачастую краевую политику определяли представители «черноморцев» – сторонников независимого государственного существования Кубани.

Основной лозунг, который скрывал истинные намерения кубанских самостийников, по мнению командующего Вооруженными силами Юга России: «Через федерацию к Единой России» [8, с. 86]. На заседании Рады 11 ноября 1918 г. один из лидеров самостийников Быч провозглашал возможность воссоздания России «в форме Всероссийской федеративной республики» [8, с. 70]. Имелось в виду, вероятно, что объединение разрозненных в годы революции и гражданской войны окраин государства невозможно без значительной децентрализации власти по сравнению с имперским периодом. Эта же мысль отразилась и в Кубанской конституции: «Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань – отдельной составной её частью» [8, с. 70]. Вместе с тем лидеры кубанского самостийного движения, по свидетельству А.И. Деникина, неоднократно называли Кубанскую Народную Республику самостоятельным государственным образованием, изъяли из текста присяги упоминание о России и даже понятие «Родина» [8, с. 70], а также планировали объединение на федеративных началах с Украиной [1, с. 434]. Учитывая то, что лидеры кубанских «самостийников» пытались в достижении своей цели объединиться с другими новообразованиями в целях оказания давления на объединительную политику Добровольческой армии, А.И. Деникин не без оснований сделал следующий вывод: «Кубанский сепаратизм, по существу, ополчался против национальной России» [1, с. 87]. Отметим, что в отдельных мемуарах отмечается взаимное недоверие «добровольцев» и казачьих лидеров именно из-за представлений о государственном устройстве: «...за спиной «внепартийной» Добровольческой армии во главе с Деникиным стояла старая Россия...Все они ненавидели казачьих политических деятелей, считая их ...сепаратистами, полубольшевиками... Вторые, в свою очередь, не жалели крепких слов по адресу своих противников, которых в насмешку титуловали «единонеделимцами»» [9, с. 27]. Следует, вероятно, сделать скидку на то, что автор писал воспоминания уже в Советской России. В этой связи он, скорее всего, не был свободен от принятых штампов, однако само упоминание о проблеме дает основание полагать, что противостояние, действительно, имело место.

В октябре 1919 г. группа представителей Кубанского правительства (Быч, Савицкий, Калабухов, Нимиток) заключили соглашение с Союзом Горских Народов Кавказа, враждебным Вооруженным силам Юга России, объявив полную

политическую независимость Кубани. Данный шаг послужил основанием для операции по «сворачиванию» центробежных движений в Кубанском крае. Калабухов был предан военно-полевому суду и казнен. Одновременно в конституцию края были внесены разработанные К. Н. Соколовым (1882–1927 гг.) изменения, усилившие власть атамана. Обе эти меры позволили нейтрализовать в конце концов сепаратистское течение в крае.

Наибольшее стремление к восстановлению национально-территориального единства проявлялось, на наш взгляд, в Терском казачьем войске. Находясь в окружении враждебных горских народов, терское казачество было кровно заинтересовано в поддержке некоей центральной власти, поэтому сравнительно легко находило общий язык с Вооруженными силами Юга России. В этой связи генерал Деникин отмечал: «...установление общероссийской власти являлось вопросом физического существования казачества, вопросом жизни и смерти» [8, с. 164]; «Терские правители и Круг желали, чтобы общерусская власть железным обручем сковала горские народы...» [8, с. 168]. Ещё одну из причин централистской позиции терской политической элиты и её ориентации на Добровольческую армию председатель Терского правительства Ф. Ф. Абрамов (1871–1963 гг.) определил следующим образом: «Путь сепаратизма с самостоятельным управлением для Терска непригоден ввиду существующих там различных течений. Общую идею должно определять неказачье лицо ...» [8, с. 595–596].

На первых порах, в декабре 1917 г., область Терского войска также не избежала создания квазигосударственного образования. Атаман М. А. Караулов (1878–1917 гг.) в целях установления порядка в крае на условиях компромисса с горцами и представителями городских властей создал Временное Терско-Дагестанское правительство. Изначально подчеркивался временный и не претендующий на суверенитет характер власти: «впредь до создания основных законов полноту общей и местной государственной власти» [8, с. 181]. Атаман Караулов, ещё в октябре 1917 г. принимавший участие в создании союза казаков, горцев и степных южных народов, был сторонником идеи «оздоровления России с окраин».

Политическая элита Терского войска перед лицом опасности, исходящей от враждебных группировок горцев, обосновывала свое стремление к государственному единству и сохранению сильной общерусской власти следующим образом: «При такой обстановке (большевизма и восстания горцев) мысль о создании новых форм государственной и общественной жизни, в соответствии с выдвинутыми идеями местного самоуправления, замирает, так как приходится думать больше не о гражданском устройении жизни, а о защите свободы и физической безопасности граждан» [8, с. 595–596].

Приверженность идее государственного единства, которое исключительно и может принести пользу краю, нашла свое отражение и в программе правительства Терского казачьего войска: «только решительная победа над большевизмом и возрождение России создадут возможность восстановления мощи и родного войска, обескровленного и ослабленного гражданской борьбой» [8, с. 594]. На совещании атаманов 12 января 1920 г. Ф. Ф. Абрамов решительно заявил: «Без общей государственной власти и согласия с главным командованием ни бороться, ни жить Терское войско не может» [8, с. 730]. Терским атаманом генералом Г. А. Вдовенко (1865–1945 гг.) на том же совещании определено: «Течение у Терцев всегда одно. Золотыми буквами у нас написано «Единая и Великая Россия»» [8, с. 730].

Вместе с тем и на территории данного войска возникали коллизии в регулировании вопросов управления, не позволяющие укреплять в должной мере государственное единство. В «Очерках Русской Смуты» отмечается в этой связи: «...ген. Эрдели правил на основании положения о Терско-Дагестанском крае, атаман Вдовенко – применительно к Терской конституции – со всеми отрицательными последствиями такой сепаратной деятельности» [8, с. 170]. Однако центробежные тенденции в Терском войске были все-таки минимальными, по сравнению с

Доном и Кубанью. А. И. Деникин отмечает в этой связи: «...стремясь к возможной независимости от власти Вооруженных сил Юга, Терек считал себя всегда неразрывной частью единой России, не вел, по крайней мере, с нею заблаговременно торга о пределах своих вольностей и не обеспечивал их требованием «федерации» и «конфедерации» – понятий столь ярко выдвинутых русской смутой и столь чуждых в устах коренной русской области по отношению к своей стране» [8, с. 173].

Таким образом, в качестве выводов отметим, что политические претензии на самостоятельность лидеров казачьих государственных новообразований вступали в противоречие с моделью «белой» государственности А. И. Деникина и его окружения. Даже перед лицом общего врага – Советской России – рассмотренные противоречия не могли отойти на второй план. Наиболее склонны к воссозданию национально-территориального единства России без предварительных политико-правовых гарантии были казаки Терека, донские казаки выдвигали преимущественно федералистские требования, Кубанское войско в большей мере стремилось к суверенитету. Весьма любопытно, что события далёкой Гражданской войны своеобразно отозвались в современном региональном законодательстве. Так, если в уставе Ростовской области указывается на неотделимость региона от Российской Федерации (ст. 2)¹¹, то в уставе Краснодарского края (ст. 1)¹² содержится прямо выраженный запрет на пропаганду сепаратизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деникин А. И. Очерки Русской Смуты: в 3 кн. Кн. 2: Т. 2: Борьба генерала Корнилова; Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии / А. И. Деникин. — Москва : Айрис-пресс, 2003. — 733 с.
2. Попов Ф. А. Проект «Союзной Конституции Казакии» в планах казачьей эмиграции / Ф. А. Попов // История государства и права. — 2013. — № 16. — С. 35–41.
3. Скорик А. П. Казакия: постулаты, власть, практика / А. П. Скорик // История государства и права. — 2015. — № 6. — С. 58–64.
4. Деникин А. И. Очерки Русской Смуты: в 3 кн. Кн. 1. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917) / А. И. Деникин. — Москва : Айрис-пресс, 2003. — 591 с.
5. Дулимов Е. И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX в.в.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Е. И. Дулимов. — Саратов, 2003. — 51 с.
6. Копанева О. И. Казачество и российская государственность (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. И. Копанева — Санкт-Петербург, 2003. — 25 с.
7. Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания: архивные материалы / А. С. Лукомский; состав. предисл. С. В. Волкова. — Москва : Айрис-пресс, 2012. — 750 с.
8. Деникин А. И. Очерки Русской Смуты: в 3 кн. Кн. 3: Т. 4–5: Вооруженные сила Юга России / А. И. Деникин. — Москва : Айрис-пресс, 2003. — 830 с.
9. Волков Ю. В. Лики белого движения в мемуарах его участников из Советской России / Ю. В. Волков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2005. — № 7 (47). — С. 21–33.

REFERENCES

1. Denikin A. I. *Ocherki Russkoi Smuty: v 3 kn. Kn. 2: T. 2: Bor'ba generala Kornilova; T. 3: Beloe dvizhenie i bor'ba Dobrovol'cheskoi armii* [Essays of Russian Troubles: 3 vol. Book 2: Vol. 2: The Struggle of General Kornilov; Vol. 3: The White Movement and the Struggle of the Volunteer Army]. Moscow, Airis-press Publ., 2003, 733 p.

¹¹ Устав Ростовской области. Областной закон от 29 мая 1996 г. №19-ЗС // Официальный портал Правительства Ростовской области. — URL: <https://www.donland.ru/documents/27/> (дата обращения: 02.10.2020).

¹² Устав Краснодарского края // Официальный сайт Администрации Краснодарского края. — URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1145/> (дата обращения: 02.10.2020).

2. Popov F. A. Draft "Union Constitution of Cossackia" in the Plans of the Cossack Emigration *Istoriia gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2013, no. 16, pp. 35-41 (in Russian).

3. Skorik A. P. Cazakia: Doctrines, Power and Practice. *Istoriia gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2015, no. 6, pp. 58-64 (in Russian).

4. Denikin A. I. *Ocherki Russkoi Smuty: v 3 kn. Kn. 1. T. 1: Krushenie vlasti i armii (fevral' – sentiabr' 1917)* [Essays of Russian Troubles: 3 vol. Book 1: Vol. 2: The Struggle of General Kornilov; Vol. 3: The Collapse of Power and the Army (February - September 1917)]. Moscow, Airis-press Publ., 2003, 591 p.

5. Dulimov E. I. Stanovlenie i involiutsiia gosudarstvennykh form organizatsii kazachestva v pravovom prostranstve Rossiiskogo gosudarstva v XVI–XX v.v.: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk : 12.00.01 [The Formation and Involution of State Forms of Organization of the Cossacks in the Legal System of the Russian State in the XVI-XX: abstract of diss. of doct. of law] Saratov, 2003. 51p.

6. Kopaneva O. I. *Kazachestvo i rossiiskaia gosudarstvennost' (istoriko-pravovoi analiz): avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk : 12.00.01* [Cossacks and Russian statehood (historical and legal analysis): abstract of dis. of cand. of law]. Saint Petersburg, 2003, 25 p.

7. Lukomskii A. S. *Ocherki iz moei zhizni. Vospominaniia: arkhivnye materialy* [Essays from my Life. Memories: Archival Materials]. Moscow, Airis-press Publ., 2012, 750 p.

8. Denikin A. I. *Ocherki Russkoi Smuty: v 3 kn. Kn. 3: T. 4-5: Vooruzhennye sila Iuga Rossii* [Essays of Russian Troubles: 3 vol. Book 3: Vol. 4-5: Armed forces of the South of Russia]. Moscow, Airis-press Publ., 2003. 830 p.

9. Volkov Iu. V. Faces of the White Movement in the Memoirs of its Participants from Soviet Russia. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of South Ural State University, series: Humanities and Social Sciences*, 2005, no. 7 (47), pp. 21-33 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сосенков Фёдор Сергеевич — доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина 23, Российская Федерация; e-mail: f.sosenkov@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sosenkov Fedor S. — Associate Professor, Department of constitutional and municipal law, Law faculty, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Law, Associate Professor, 23 Gagarin avenue, Nizhny Novgorod, 603950, the Russian Federation; e-mail: f.sosenkov@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сосенков Ф. С. Политико-правовые представления казачества Юга России о национально-территориальном единстве в период Гражданской войны / Ф. С. Сосенков // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2020. — Т. 8, № 4 (32). — С. 5–14. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-4-1.

FOR CITATION

Sosenkov F. S. Political and Legal Views of the Cossacks of the South of Russia on National and Territorial Unity during the Civil War. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 5-14, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-4-1. (In Russian).